

Автограф

поэта

ГЛЕБ ГОРЫШИН

Когда пишу прозу, пекусь о ритме, звучании слова, тональности. Даже забывлю, о чем пишу.

Поэтическая выделка строки - во вред суровому реализму прозы. Когда пишу стихи, имею ввиду картинку реальности, а не душевное открытие. Мои стихи прозаичны.

У меня две маленькие книжки стихов, изданные на свои денежки. Мыслью на третью книжку: небось в ней поднимусь до ПОЭЗИИ.

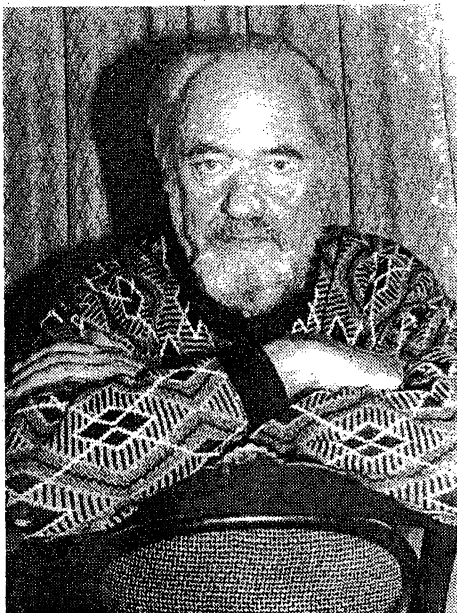
А как это скажется на Прозе? Нет, уж лучше пусть все остается, как есть.

Морошковое варенье

*Гляжу, как варится варенье
на электрической плите.
Всему бывает повторенье,
но нынче ягоды не те:*

*щурлит смиренная морошка,
а кастрюле дыбится вулкан...
Еще чуть-чуть, еще немножко, -
и можно чай налить в стакан.*

*С варенья снять густую пенку
и голову - бряк - о стенку.*

Г. Горюхи

Приглашение

Давай мы с тобой посидим
у жарко истопленной печки,
а в храме отец Никодим
затеplit пасхальные свечки.

Услышим, как птицы поют
в эфире недвижимых сосен.
В углу заскребется уют;
а большего мы и не просим.

Я буду смотреть на тебя,
о чем-нибудь припоминая,
как Божию милость любви,
но Божией воли не зная.

Мы будем с тобой говорить,
оставив на после вопросы,
и без передыху курить
с чужим табаком папирасы.

Мы белого выпьем вина
и в нами очерченном круге
при свете рассеянном дня
отпустим озябшие руки.

Влеченью себя предадим,
как полые майские речки...
А в храме отец Никодим
зажжет поминальные свечки.

Трубач

Налегке, в исходе века,
на приступке у метро
на трубе играет некто
из Раверя - "Болеро".

Зол мороз, земля поката,
в небе звезды голубы:

*Незначай трубач стаккато
и не жакет ни трубы.*

*Он метает на стынцун губы,
и по цуге краснеет медь,
радостью и голое трубный -
что надобно уметь.*

*Человек стоит на камне,
русский, и валенках, живой,
может, Коля или Ваня,
с непокрытой головой.*

*Назель кинцна ушанка,
голос вычен в пустоте:
- Я играю: "Варшавянка",
"Роза-мунда", "На безымянной высоте".*

*Он ловит, кого, не знаю,
обещает хоть кому:
"Все, что есть, я вам сыграю;
потому каждую возьму!"*

*Кто-то что-то покупает,
кто-то что-то продает...
На трубе трубач играет
и ни капельки не врет.*

Курила мама "Беломорканал"

*Курила мама "Беломорканал"...
Я был ее единственный сыночек.
Я с мамой жил, и я еще не знал,
о бездне предстоящих одиночеств.*

*Курила мама "Беломорканал",
ее лицо окутывалось дымом.
Я глупый был, никто мне не сказал,
что значит быть единственным, любимым.*

*Курила мама "Беломорканал"...
Я жил прилежно, но неосторожно.
В той жизни я, случилось, умирал,
меня спасала мама - непреложно.*

Курила мама "Беломорканал" ...
Моя судьба - как адрес на конверте.
Я долго жил, как водится, устал...
Перекурю за полшага до смерти.

Люблю собак

Люблю собак за их лохматость,
за нрав, за искренность хвостов,
за непохожесть на приматов,
за их собачью к нам любовь.

Собаки - наших рук творенья,
у них в глазах при свете дня
мерцает кротость примиренья:
"Смотри, я твой, не брось меня!"

Собаки в том не виноваты,
что не умеют говорить;
они, как малые ребята,
мы их не вправе укорить.

Они, как мы: по наушенью
питают ласку или рык,
без упования на прощенье
в живую плоть вонзают клык...

Когда собаки умирают
от глаз сторонних вдалеке,
лишь птицы музыку играют,
и дети плачут в уголке.

* * *

Опал черемуховый цвет -
легла июньская пороша.
Уж сколько зим и сколько лет?
А мире Божиим все то же:
займетса зеленью весна,
заподыхает красно лето -
и вновь восходит белизна
невнятной снежностью рассвета.

ВТОРАЯ БЕРЕЗОВАЯ АЛЛЕЯ

Рассказ

Третьего июля вечером петиционер Аникеев узнал о поражении на выборах того, кого он прочил в победителя. Аникеев предавался унылому ходу мысли, больше нечему было предаться: "Нас победили. Мы проиграли. Мой народ, Россия, сделали выбор. Выбрали нового-старого-Главного человека..." Вспомнилось, что во время выборов у Главного сел голос. Пока его переизбирали, он переутомился. Аникеев подумал, что седший голос может не встать. Тогда что же? Тогда выбрали нового Главного - немого.

Но в вечерней передаче по телевизору вновь избранный Главный пролепетал написанные крупными буквами для него слова: "Спасибо вам... что вы меня... для наших детей и внуков... идти вперед... а не назад..."

Аникееву пришло на ум: "Побежденные должны молчать. Как семена". Он знал, что эти слова принадлежат французскому писателю-летчику Антуану Сент-Экзюпери. Запомнилось с шестидесятых годов. Аникеев сам был шестидесятник. В шестидесятые годы все поголовно читали Антуана Сент-Экзюпери.

"Да, но сколько времени может человек пребывать в состоянии поражения?" - спросил у себя Аникеев. Ему представился путь на Вторую Березовую аллею, в онкологический диспансер, на прием к доктору Горячкову или к другому доктору. "Раком болеют те, у кого подавлена психика. Рак образуется из привычного уныния поражения". Так размышлял Аникеев.

Утром ему предстояло ехать на прием к доктору Горячкову.

Он жил на даче в дачном поселке, снимал у дачного треста комнату и веранду. Половину пенсии Аникеев отдавал за дачу, половина уходила на остальное. Можно было сэкономить, договориться с желудком, желудок довольствовался овсяной кашей. Главным, что придавало Аникееву силы жить, был "геркулес". Члены когда-то бывшей семьи прокармливались сами, на старшего не надеялись: что с него взять?..

Встав пораньше, Аникеев сделал зарядку, побегал по хвойной подстилке под соснами, облился холодной водой из колодца. В нем установилось чувство жизни летнее, с запахом готовых на сено трав, доцветающей персидской сирени, рас-

цветающего жасмина, молодых березовых веников, сосновой, еловой хвои, смолы. В воздухе ощущался мягкий туманец поспевания.

В торговой точке ("гриль-баре") против вокзала играла музыка, бунчала: бум-бум-бум. На платформе сидела девушка в белых в полоску брюках. Аникеев прошел мимо девушки, полагая, что она ввела его в круг своего внимания как перядовую особу, заметную фигуру. Он решительно не знал, что о нем думают нынешние девушки. Девушки не думают, но глядят. Что они в нем видят? Остались воспоминания о побежденных им девушках - в молодости и среднем возрасте. Казалось, что можно их победить и став стариком. Хотя, пожалуй, это - иллюзия. Да и победы прошлых лет - тоже. Аникеев подумал, что, если быть честным с самим собой, то надо признаться: девушки побеждали его. И пожилые женщины. Он не мог устоять, он им предавался. Всякий раз, после блаженства или фиаско, ему хотелось ... уйти под сосны, побыть одному. Да, теперь только это.

Он ехал в поезде, смотрел в окно на березы, сосны, ограды, Парголово-ские холмы, кирпичные особняки богачей. Из чего пролезили кирзачи, шинковские кровли, заграничные лимузины, ответа у Аникеева не было. Как ушнута и повые богачи рядом с обитателями хибар и лачуг? Чертоги отторжали на родных сотках: земля пока что не покупалась. Богатство вошло к себе пассивно, в соседстве с убожеством пригородного бытования, с грядками картошки - самой железной дороги. "Плохо кончится", - говорил себе Аникеев. Но он когда, он не знал.

Рядом села пара: юноша, почти отрок, в черной блузе, в бриджах с панталонами, высоких ботинках, берете с эмблемой, полосатым тельником и шарже плуши. На правом рукаве нашивка: "Казачья стража". На поясе - о! на поясе целый арсенал: кобура с чем-то стреляющим, какие-то штучки, может быть, бомбочки. Казачий стражник мал ростом, хил, subtilen, по-отрочески не вошел в тело; у него редкие усы, мальчишеское лицо. С ним крупная деваха, мордатая, с плавящими губами, с выпирающими из короткой юбочки ляжками, обтянутыми блестящими колготками.

В Удельной вышли, пара впереди Аникеева: птенчик в черном, с бомбочками и толстая большая деваха с блестящим задом. "Мальчик выбрал себе подружку не по конституции, - подумал Аникеев. - Да нет, она его выбрала. И что же он стережет, казачий стражник?" Вспомнилось, где-то прочел: казачья стража охраняет порядок в пригородных поездах. "Он меня стережет".

Аникеев спустился в метро, здесь уже начался город. Проходя, проезжая, ступая по городу, он все время внутренне напрягался, вздрагивал, отшатывался, то есть впадал в стресс, откудава путь... ну да, на Вторую Березовую аллею. На огромном панно у входа в метро нарисован мужик с противной нерусской харей, в шляпе с заломленными полями, мотоцикл, какие-то горы. "Курите "Мальборо!" Аникеев матерно выругался. На лестнице (он терпеть не мог слова "эскалатор") малый в пятнистых брюках и куртке (выговорить "камуфляж" у него не поворачивался язык) облапил девку, вцепился ей в задницу клешней, целовал взасос. Аникеев подумал: "Свобода, брат, свобода. Страна сделала выбор".

С девушками он целовался и шарились, на лестничных площадках - в укромных местах. Публичное целование на ступках-подъемах в метро казалось ему перадостным, нескричным, стыдным, как заботы сексуальных меньшинств. И что интересно, и вычинок ливались редко, разве что подвыпившая распутная барышня прищипнет к своему теленку. Как станут на лестницу ("чудесницу") - и давай лобызаться.

По старой привычке Аникеев "кавал глаза" на красивых женщины. Все до одной двигали челюстями, жевали. Соответственно, жующих почти не осталось. Аникеев обращался к жующим с внутренним монологом: "Как быстро вас превратили в жвачных животных. А ведь были людьми. Вам хочется как на Западе. На западе жуют хоккенсты и полицейские, да и то больше цветные... Приличные люди на западе не жуют".

В переходе метро стояла девочка с плакатиком: "Помогите Христа ради. Брат в Крестах, родителей нет, на мне маленькие брат и сестра". Аникеев прошел, притормозил. Вернуться? А вдруг девочка - обманщица? И подать-то нечего, бумажка в сто рублей - не деньги. И не подашь, потом изведешься. Шаг дальше - тетя играет на скрипке, маленькая девочка у ее ног с картошкой коробкой. Старая бабка в платке, с проткнутой рукой. Играет на аккордеоне слепой Женя. Как-то выпив, Аникеев подошел к слепому Жене, попросил: "Можешь сыграть "Карусель" Шахнова?" Жени ответил: "Сейчас жена подаст водки, выпью, сыграю". Жена подала. Жени выпил. Сыграл. Не видя нищенской колготы подземелья, Жени играл для себя, извлекал из инструмента звуки, неслышанной здесь полноты и окраски. Жени музыка как будто доносилась в подземелье с небес.

Пожилая женщина в шляпке довоенного фасона, с остановившимся взглядом, пела, растягивая гласные, насколько хватало дыхания: "Че-е-ерез Ро-о-ощи шу-у-умные и поля-а-а зеле-е-еные вы-ы-ышел в сте-е-епь Донецку-у-ую па-а-арень молод-о-о-ой..."

Пели три бодрые бабки, притопывая ногами: "Распрягайте, хлопцы, конив, та лягайте поживать. А я выйду в сад зеленый, в сад криниченьку копать..."

Стояла пара: он в годах, с несчастным одухотворенным лицом ленинградского интеллигента блокадной поры, к нему присоединилась, видимо, дочка, лет тридцати унылая женщина. Они вдвоем вынесли продавать крохотного черного лопухого щенка. Аникеев подумал: "Какая же степень нужды привела их на торговлю в подземелье? Да и сколько дадут за щенка? Кому нужен щенок?" Он посмотрел в глаза продавцам щенка. И они посмотрели. Что-то перевернулось внутри Аникеева. Он прошел, остановился. У него не было больше сил видеть все это.

Стояла дама с корзиной, полной котят. Аникеев подал кошачьей маме, подумал: "Ах, не все ли равно?"

В онкологической поликлинике на Второй Березовой аллее он спросил:

- Кто последний?

Занил очередь за седеньким, смирившимся, в костюме, с галстуком, в прошлом, может быть, инженером, с коричневыми пятнами на бритых щеках. С ним

вместе сын или внук, скорее, внук, большой, пузатый, в синем блестящем спортивном костюме - униформе ларечников, обросший черным волосом.

Очередь сидела на деревянных просиженных диванах со спинками - ровесниках этого медицинского учреждения. Слева от Аникеева благодушно похрапывал мужичок с пухлым лицом, по внешности в прошлом руководящий работник среднего звена, может быть, директор птицефабрики или рыбоконсервного завода. Дальше - лицо трагическое, скорее всего, из моряков, в берете с баками, с темными печальными глазами, в пиджаке послевоенного пошива, уже почти бес-телесный, глядящий по-собачьи в глаза, но не видя, уже пребывающий в иных мирах.

Напротив - толстый богатый еврей, в новом твидовом пиджаке, белых нельветовых брюках, начищенных штитлетах, в белой каскетке с козырьком, с надписью, удостоверяющей, что каскетка из Америки: USA. С ним русская, тоже сытая жена. Пара держится обособленно, как будто они здесь и еще где-то, в Америке. Но после двух часов сидения в очереди на прием к доктору Курочкину на лице у важного, толстого, богатого еврея в американской каскетке появилось общее для всех выражение раковых больных (или многих себя таковыми) - венство, смирение перед чем-то главным, неотвратимым.

Особенность раковой поликлиники в том, что здесь общий для почти пола туалет. Мужья с женами заходят в отхожее место, помещающееся в кабинках, переговариваются. И незнакомые тоже. Общее для всех раком делает несущественным даже различие полов.

Сидение в очереди к доктору Горячкову (и к другим докторам) воздействия внешнего мира. Даже ближайший мир, шаг от пирожков, Каменный остров, разлетье, щебет птиц, пахнет скошенной травой - туда они не выходит. Чтобы отметить в очереди: я за вами, вы за мной - и поди подыши. Так нет, все сидят, полууснувшие, погруженные в себя. Отсюда как будто нет выхода. Здесь последний зал ожидания, перед оглашением приговора, кому куда.

Поодаль сидит старик со знакомым Аникееву лицом. Аникеев припоминает, каким старик был лет сорок тому назад. Точнее, сорок четыре года... Он тогда вел семинары по политэкономии социализма, в университете, при Сталине. Лицо старика характерно тем, что верхняя губа непосредственно переходит в нос, без того надгубья, где вырастают усы. Политэконом запомнился Аникееву, в ту пору студенту, каким-то личным отношением к девизу близкого коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребности. Эконом толковал девиз не как мечту человечества, объяснял на примерах: лица в высоких должностях, министры, первые секретари обкомов, председатели облисполкомов - уже сегодня получают по потребности, то есть живут в коммунизме. Все другие к ним приближаются постепенно. Выше рангом министров эконом не брал, по-видимому у него не было точных данных. Идея постепенного приближения широких масс к министрам в получении по потребности - воодушевляло политэнома, как будто он сам ее вывел, его бледное изможденное лицо великомученика идеи розовело.

"В общем, так и вышло, - подумал Аникеев, - парторги, политруки, преподаватели марксизма, младшие научные сотрудники, будь то Бурбулис или Шахрай,

хлынули во власть и влачили спешку всяких потребностей. Не говоря о тех, кто прихватил социалистическую собственности - шью, - у кого в руках крантики от нефтепроводов, шифры банковских счетов, пакеты акций и прочее, нам неизвестное. О широких массах и чьих-то способностях, чтобы отдать их на общее благо, речь не идет. Потребности перекрывали способности. Мы - общество потребления. Потребляем. И не с ветряным полнэкономии социализма тоже употребили. Нам оставили онкологический диспансер на Второй Березовой аллее...

Они в одно время встали и выпали в запыленно цветущий мир, в разлетье, на Каменный остров, где, бывало, проводил лето с семьей Александр Сергеевич Пушкин. То есть, выпали поребри, закурили, один пускал дым в одну сторону, другой - в другую. В вестнике Аникеев прочел краем глаза: "Борьба с табакокурением - дело трудное, но выполнимое". Он пробовал выполнять, но смотреть по телевизору "Новости" или "Вести" без табакокурения не мог, нервничал. Ведущие вралы, лицедействовали; доводилось до сведения число жертв, трупов за сутки, как раньше число скошенных гектаров или тонн выплавленной стали. Аникеев закуривал, закружилась голова, трепыхалось сердце, прорезывалась боль внутри, требовала к себе внимания.

Доктор Горячков - молодой, загодя улыбающийся. Принимать раковых больных (или мнящих себя таковыми) с постной миной - это уже перебор. Рядом с доктором медведица в белом халате, намазанная, жующая, со злыми глазами.

В прошлый раз доктор взял у Аникеева из нутра, из того места, где опухоль, толщину плоти, на предмет выявления раковых клеток, есть или нет. Теперь доктору принадлежало огласить пациенту приговор. Он долго читал заключение лаборатории, хотя, Аникеев видел, в нем было несколько строк, собственно, химическая формула.

Доктор сказал неизвестно кому, не глядя на пациента:

- Я не могу это взять на себя.

Потом Аникееву:

- У вас нет ничего плохого.

Аникеев не понял доктора, не полностью понял, переспросил:

- Нет плохого - это значит есть хорошее?

Доктор Горячков весело рассмеялся:

- Это в ваших руках, будете себя хорошо вести, все будет хорошо.

Медведица стреканула по Аникееву злыми глазами.

- Придете десятого, - сказал доктор, - вас посмотрит завсудующий отделени-

см.

"У меня нет ничего плохого до десятого, - подумал Аникеев. - Да, десятого мне скажет что-нибудь другое другое лицо. Доктор Горячков не хочет это брать на себя. У меня отсрочка до десятого".

Он вышел наружу. Но уйти со Второй Березовой аллеи, уехать ему еще не хотелось. Что-то надо было запомнить, сказать, какие-то несказанные слова будто шептали из воздуха, доносились к нему из эфира. Он сел на скамейку. Тотчас к нему подошел старичок, похожий на всех пациентов доктора Горяčkова. Похожий на

самого Аникеева. Быстро заговорил:

- Что они пункцию берут, это еще ничего не значит. Вот когда взрежут, кусок мяса из опухоли возьмут, гистологию сделают, тогда уже точно...

- Я знаю, - сказал Аникеев.

Старичок подхватился, слинял.

Аникеев сидел на скамейке. Курить не хотелось. Слова приходили в сознание из эфира, в ушах отдавался их звук. Аникеев складывал слова в строфы, утешался - словами:

*Всю жизнь проживших в ЭСЭСЭРе
потертых жизнью старичков
врачует в онкодиспансере
урочно доктор Горячков.*

*Их лица строго-напряженные,
глубоки борозды морщин.
Предупредительны их жены,
в них не забывшие мужчины.*

*Они сидят, как истуканы
в составе рейсом никуда.
Не помнят старые диваны,
кто был последний и когда.*

*А в долгожданном кабинете -
короткий взгляд из-под очков...
И вся надежда в том ответе,
что скажет доктор Горячков.*

После операции, когда Аникеев очухался от наркоза, свылся с болью, с припущенным сквозь него шлангом, баночками над головой, иглой в вене, капиллярной, в палату пришел доктор Шершнева, в очках, спадающих с носа. Доктор Шершнева высоко держал нос, чтобы очки не спадали, но смотрел поверх очков, взглядом все повидавшего человека, безучастного ко всему. Он не говорил ничего лишнего, только самое необходимое. Аникееву сказал:

- Все позади. Остался живой. Было на критической грани.

Аникееву хотелось еще поразговаривать с доктором, но тот уже уходил.

- Опухоль большая была? - спросил Аникеев вдогонку.

- Большая, - сказал доктор Шершнева.

К Аникееву подошел сосед по палате, очень черный, небритый кавказский человек, спросил:

- Пить дать?

- Дай.

Сосед принес из-под крана пахнущей хлоркой воды. Аникеев не столько на-

пшася, сколько обанам и, но и пересошим рту посвежело.

- Закурить у тебя не найдется? - попросил у соседа.

Сосед вставил ему в рот "Ведоморину", поджег: Голова закружилась, в глазах поплыло. Но в дымах табачного дыма вернула ощущение жизни. В сознании радость-прошелество: "Я остался жившой. Я курю".

- Меня зовут Володя, - представился сосед по палате, - Я вообще-то из Дагестана. Живу в Ингере.

Аникеев тоже представился.

Дагестанец Володя пустило, но с одушевлением рассказал, сколько можно выкроить за день при продаже масла: при каждом взвешивании подложить бумажку - пять граммов, а то и десять. Это надо уметь. За день набегает...

Аникеев все еще лежал на операционном столе, под люстрами... Ему дали укол с наркозом, время остановилось, но люстры не погасли. Он не уснул, видел свет...

Дагестанец Володя рассказывал, как где-то на берегу Каспийского моря жарили шашлык из севрюги, а сазана заворачивали в фольгу, пекли под костром, под углями.

- Водку выльешь из поллитровки в поллитровую банку, выпьешь - и ловишь кайф.

Пришла красивая процедурная сестра Лариса, превосходно попала иглой в вену. Исколотый, с синяками в сгибах локтей, Аникеев обрадовался умелому Ларисинскому уколу, как поцелую.

- Я сегодня первый день, неделю была в отпуске, - сказала Лариса.

- Вы съездили в Испанию? - закокетничал Аникеев.

Лариса заиграла красиво нарисованными глазами.

- Это при наших заработках? Я была в сорока километрах от города.

Сам не зная, с какой стати Аникеев спросил:

- А где?

- Во Мге.

- Там много комаров, - сказал Аникеев первое, что пришло на язык.

Кристиная процедурная сестра Лариса посмотрела на него как на старого дурьяка. Что так и было: после операции Аникеев сдурел от счастья возвращения. Ингомсем, с концами собрался - и вдруг вернулся.

Из капельницы по прозрачной трубочке в иглу, введенную Ларисой в вену Аникеева, поступал физиологический раствор - 18000 рублей бутылка. Сперва с Аникеева взяли деньги, потом подсоединили к капельнице.

- Я в стройбате служил в Махачкале, - рассказывал дагестанец Володя. - Там свиную тушенку давали, я ни грамма не ел. Я - мусульманин. Я их посылал...

Володя посылал свиную тушенку в стройбате в Махачкале на те же самые три буквы, на которые посылали негоже им все народы бывшего Советского Союза.

После обеда к Володе пришла жена, вальжная кавказская женщина, принесла литровую банку горохового супа, макарон с мясом, клюквенной воды. Володя

поел в охотку, фырча и чавкая. Потом убежал на Крестовку удить рыбу. Принес кулек плотниц и пескарей. "Кошке на ужин". Где-то набрал сыроежек, подберезовиков, козляков. "Бабе отдам, пусть селянку заделает. Принесет, порубаю. Я вообще грибы жареные обожаю".

Вечером Володя читал толстую книгу, лежа в постели в зановощенном сипем, когда-то с проблеском, спорткостюме. Аникеев спросил:

- Какую книгу читаешь? Кто автор?

Володя не понял вопроса, сказал:

- Интересная книга. Добью, тебе дам. Почитай.

Название книги, фамилию автора на обложке он пропустил. Это его не касалось. Он читал ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ. Потому и читал, что интересно читать.

Назавтра Володя добил ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ, положила на обложку Аникееву. Это был Джек Лондон: "Морской волк" и "Белый кабан".

Володя погрузился в чтение. Джек Лондон отвлекал от боли и процедур, что он

- авантюрой, сюжетом, философией жизни, той спланою жизнестойкостью лапки кверху, сдавайся. Аникеев подумал, что лучше всего читать по-русски и не съездишь. Это было известно и дагестанцу Володе (хотя он знал, кто такой Джек Лондон), мусульманину, виртуозному материнскому торгашу.

Доктор Шершнеф относился к Володе ласково-покровительственно. В походе сказал:

- Когда пришел, говорил: яйца режьте - а теперь что же, переду тебя можем завтра выписать. Еще раз к нам попадешься, смотри, режем.

- Взвинченный, нервный, хамоватый Володя стал мягонький, тихий, как судак. попросил доктора:

- Не надо резать. Еще пригодятся. Выписывайте. Хватит здесь опинивать и Моя баба ремонт начала делать в квартире. Надо помочь.

Назавтра Володя выписался.

Аникеев учился ходить и всему другому, стать тем, кем он был до операции. Да нет, теперь он другой. А какой? - Аникеев пока не знал. Чувство выздоровления - избавления от неволи недуга было в нем так же сильно, как у героя "Морского волка" Хэмпса, когда он освободился от железной хватки Волка, построил дом на острове - два дома: для себя и для им спасенной прелестной пассии - английской поэтессы...

На десятый день после операции, поправляя очки вдергиваньем носа кверху, глядя поверх очков в потолок, доктор Шершнеф сказал Аникееву:

- Мы вас можем выписать в среду. - Помолчал с минуту. Аникеев ждал, что доктор скажет еще. - Если хотите, можете полежать.

В двойственном предложении доктора Шершнева первое явно перевешивало второе. "Больнице надо избавиться от меня, освободить место для выгодного клиента", - так понял доктора Аникеев. Однако переспросил:

- Ну, а вы-то, доктор, как думаете... лучше, полежать или выписаться?

- Доктор Шершневу пожимал плечами.

Аникеев прислушался к себе: "Доберусь ли до дома?" Ясного ответа не слышал. Сказал:

- Ладно, выпишывайте.

Доктор Шершневу коротко взглянул на стоворчивого больного сквозь очки.

- Через недельку поинтереситесь, будет результат гистологии. Я думаю, у вас ничего худого нет, но последнее слово за гистологией.

Аникеев собирался домой. Что еще оставалось, так это подарить гвоздику очень красивой сестричке Юле. Или, может быть, розу? Нет, розу дорого. Гвоздику... Накануне операции Юля брила Аникееву - наголо, дочиста - все то, что ниже пупка, где будут резать. Тушой безопасной бритвой скоблили, должно быть, многих до Аникеева. Юля пригломилась, попеняла больному, правда, без раздражения:

- От вас волос, как в парикмахерской.

Аникеев посочувствовал Юле:

- А ты отдохни.

Какой-либо неловкости перед очень красивой Юлей он не испытывал: Юля готовила его к операции; порога застенчивости или еще чего-нибудь между ними быть не могло. Юля его провожала как бы в полет на неведомую планету.

Перед выпиской Аникеев купил гвоздику, отнес ее Юле на пост, сказал загодя приготовленную фразу. Что сказать Юле, он придумывал долго. Остановился на самом коротком:

- Ты меня провожала в полет.

- Я знаю, - сказала Юля.

Через неделю Аникеев позвонил доктору Шершневу. Доктор сказал: "У вас нет ничего худого".

Аникеев вдруг понял каким-то нутряным самопониманием, то новое в нем, кем он стал. "Я был раковый больной, - напомнил он себе, - состоял на учете в онкологическом диспансере, на Второй Березовой аллее. Теперь я снялся с учета".

По телевизору сказали, что вновь избранному Главному человеку будут делать операцию. Аникеев пережил мгновенное восхитительное превосходство над Главным: "Тебе будут делать, а мне уже сделали. Я остался живой".

Он уехал на дачу, по дороге купил в Удельной пирог с капустой. На даче пилился чаю, сел на крыльчке, закурил, стал ждать, когда придут слова - из эфира. Слова пришли:

Предзнамения грозны.

Вздохи буден легки.

Я вернулся под сосны.

С чаем ем пироги.